

Теория и методология Theory and methodology

DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_04_01

Полева Н.С.

Хронотоп повседневности

Poleva N.S.

Chronotope of everyday life

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Предпринимается попытка дифференциации понятий «образ жизни» и «стиль жизни». При этом «образ жизни» соотносится с объективным пространством – временем повседневности, а «стиль жизни» – с субъективным, личностным пространством – временем. Предзаданность «образа жизни» как объективной составляющей хронотопа повседневности связана с внешней детерминацией и не зависит от человека. Субъективная составляющая как стиль повседневной жизни характеризуется как сфера индивидуальных выборов и индивидуальной ответственности, самодетерминации и свободного конструирования жизненного пути личности. Утверждается, что хронотоп повседневности соединяет в себе стабильность типического (образ жизни) и трансформацию, изменчивость и развитие, присущие индивидуализации (стиль жизни). Обосновывается, что сложная диалектика стабильности/изменчивости соотносится с диалектикой традиции/инноваций в современной транзитивной повседневности, когда повседневная жизнь как сфера рутинного и типического становится «местом образования смысла, открытия правил». Проведенный теоретический анализ показывает, что конструирование стиля жизни как индивидуального хронотопа повседневности является и орудием, и пространством-временем самоконструирования и самореализации личности. В оптике эстетической парадигмы рассматривается генезис концепта «spots of time», его связь со стилевыми особенностями английского романтического канона, среди которых культ индивидуальности, смещение внимания искусства на внутренний мир личности и ее переживания, интерес романтизма к повседневной жизни человека, стремление показать ее значимость и ценность для личности средствами искусства. Повседневность рассматривается как источник индивидуальных переживаний «spots of time». Выделяются основные функции «spots of time» как внутренней формы психологического хронотопа. Дается понимание процесса хронотопирования повседневности, когда «места времени» становятся точками бифуркации

развития личности, определяющими направления будущего развития или верификации уже сложившейся системы ценностей. Эвристичность концепта «spots of time» для психологии связывается с интеграцией пространства, времени и переживания.

Ключевые слова: психологический хронотоп, хронотоп повседневности, образ жизни, стиль жизни, эстетическая парадигма, spots of time, внутренняя форма хронотопа

Для цитирования: Полева, Н.С. Хронотоп повседневности // Новые психологические исследования. 2021. № 4. С. 4–24. DOI: 10.51217/np-psyresearch_2021_01_04_01

Введение

Повседневность как особая модальность человеческого бытия обладает своими пространственно – временными характеристиками, которые составляют хронотоп повседневности. Экстраполяция конструкта «психологический хронотоп» на исследования феноменологии повседневности предполагает выделение объективных и субъективных составляющих в структуре хронотопа повседневности (Марцинковская, 2016).

Объективные составляющие хронотопа повседневности – это социально – исторические условия, объективное пространство и время, где протекает жизнь человека. Культурно – историческая детерминация задает общую рамку контекста исследования – пространственно-временные границы повседневности и ее возможные трансформации, а также трансформацию повседневной жизни от одной эпохи к другой. Под субъективными составляющими хронотопа повседневности понимают индивидуально-личностное пространство-время повседневности конкретного человека. Структура хронотопа повседневности представлена шестью параметрами пространства и времени в общем (объективном) и персональном (субъективном) пространствах и времени. Важно отметить, что формирование информационной культуры как культуры нового типа связано с появлением нового типа повседневности, детерминированной рутинизацией Интернета и развитием цифровых технологий. Поэтому структура хронотопа современной повседневности дополняется новыми параметрами – виртуальным/цифровым пространством-временем.

Образ жизни и стиль жизни в структуре хронотопа повседневности

Объективные пространство-время хронотопа повседневности определяют общий уклад, или образ жизни, характерный для определенной исторической эпохи. Рассматривая психологию личности как историю развития личности в изменяющихся условиях, Асмолов А.Г. вводит категорию «социально – исторический образ жизни», чьими основными координатами являются историческое время и социальное пространство (Асмолов, 2007). На основе интеграции этого положения и конструкта «психологический хронотоп» в исследование проблем психологии повседневности в статье предпринята попытка о дифференциации понятий «образ жизни» и «стиль жизни». Понятие хронотопа повседневности является, с одной стороны, характеристикой и описанием образа жизни, который детерминирован объективным пространством-временем повседневности (историческое время и социальное пространство). С другой стороны, субъективная составляющая хронотопа как субъективное, личностное пространство-время повседневности человека соотносится с его индивидуальным стилем жизни.

Образ жизни «задан» человеку, это объективные условия, которые он не в состоянии изменить или повлиять на них. Но если «времена не выбирают», то возможные изменения повседневности могут быть связаны с изменениями социального пространства.

Стиль жизни – его сущность составляет индивидуализация – конструирует субъективное пространство-время повседневности (в терминах теории А.Г. Асмолова – «жизненный путь личности»). Такая субъективация объективного пространства-времени повседневности, стиль жизни как индивидуализация образа жизни, в значительной степени принадлежит сфере влияния и ответственности самого человека, его самоопределения и самодетерминации, к его персональной идентичности (Леонтьев, 2020). Именно это предопределяет возможности изменения и трансформации личной повседневности, субъективной составляющей ее хронотопа.

Нарастающая сложность, неоднородность и гетерогенность современного транзитивного общества оказывает существенное влияние на множественность и вариативность хронотопов повседневности – на вариативность объективной составляющей хронотопа и дифференциацию образов жизни. Социальная стратификация, возрастная, гендерная и профессиональная дифференциация вносят существенные коррективы в повседневную

жизнь больших и малых социальных групп и их отдельных представителей. У врачей и актеров, пенсионеров и студенчества, олигархов и безработных, жителей мегаполисов и региональных центров разные хронотопы повседневности и разный образ жизни. В этом контексте можно говорить о стратификации и дифференциации повседневности (Лелеко, 2002).

Подобным образом, объективная составляющая хронотопа повседневности в силу своей «предопределенности» задает общие рамки пространственно-временных границ повседневной жизни человека. Вместе с такой инвариантной составляющей в современном транзитивном обществе образ жизни отличается вариативностью в зависимости от уровня субъекта повседневности (страна, город, социальный статус, профессиональное сообщество, семья и т.д.). При этом основным ресурсом трансформации хронотопа оказывается социальное пространство. Возможность смены или изменение объективного социального пространства, его сужение или расширение (при переезде в другую страну, из провинциального города в мегаполис или из мегаполиса в пригород, поступление в вуз, начало трудовой деятельности и принадлежность профессиональному сообществу и т.д.) предполагает социальный контекст, определяющий стабильность/изменение хронотопа повседневности и образа жизни. Предзаданность объективной составляющей хронотопа повседневности свидетельствует о внешней детерминации, которая и обеспечивает определенность. Причем важным аспектом является оценка и эмоциональное отношение личности к объективным условиям своей повседневности, возможность преднамеренного изменения/смены социального пространства или его оценки, а также конструирование индивидуального стиля жизни в данном социальном контексте (в рамках заданного или выбранного социального пространства).

Если объективная составляющая хронотопа повседневности не зависит от человека, то субъективная составляющая как стиль повседневной жизни – это сфера индивидуальных выборов и индивидуальной ответственности, самодетерминации и свободного конструирования жизненного пути личности (Леонтьев, 2020). Конструирование стиля повседневности, его индивидуализация связаны с возможностью и необходимостью многократных выборов. Выбор не только обеспечивает вариативность, закономерным следствием выбора выступает неопределенность. Сложная диалектика стабильности/изменчивости, постоянная латентная трансформация

повседневной жизни, происходящая незаметно для ее участников, говорит не только о транзитивности как характеристике повседневности, но и о диалектике традиции и инноваций современной транзитивной повседневности, когда повседневная жизнь как сфера рутинного и типического становится «местом образования смысла, открытия правил» (Вальденфельс, 1991, с. 47.)

Высокая вариативность индивидуализации обеспечивает множественность стилей жизни как субъективной составляющей хронотопа повседневности и является источником креативности и творчества. Проблемам повседневной креативности, творческого конструирования повседневности посвящена работа Мишеля де Серто «Изобретение повседневности», где он показывает обыденную жизнь обычного человека, «пользователя» или «потребителя». Человек, в концепции повседневности Серто, – не пассивный «потребитель», вынужденный подчиняться установленным стратегиям – нормам, правилам и схемам действия, а творческий субъект, автор, который активно сопротивляется стратегиям и, изобретая собственные тактики («куловки», «браконьерство», «процедуры повседневной изобретательности»), осваивает «навязанное» пространство, трансформируя его в «свое», свободное личностное пространство. Повседневная жизнь по Серто – это диалектика и постоянная борьба установленных «стратегий» и изобретаемых личностных «тактик», индивидуальные импровизации и повседневное анонимное творчество – от вариативных практик потребления еды и быта до освоения городского пространства (Серто, 2013).

Связь стиля жизни с повседневной креативностью, жизнетворчеством как авторством человека по отношению к своей жизни подчеркивает в своих работах Н.В. Гришпина, обращаясь к понятию «стиль жизни» А. Адлера, согласно чьей теории человек является одновременно и картиной, и художником своей жизни. Повседневность как реальность человеческой жизни реализуется в разных способах существования и в разных жизненных стратегиях. Индивидуализация повседневности претворяется в адаптивные стратегии, копинг – стратегии и стратегии жизнетворчества. Их соотношение и степень выраженности определяют своеобразие жизненного стиля человека (Гришпина, 2017).

Исследования феноменологии само- и жизнестроительства вносят существенные дополнения в понимание способности человека выбирать, конструировать и реализовывать индивидуальные стратегии жизнетворчества. В рамках эволюционной теории модернизации и концепции постматериализма, утверждающих переход от ценностей

выживания к ценностям самовыражения, созидание субъектом собственной жизни понимается не только как создание произведения искусства, но и как орудие творческой самореализации личности в культуре (Гусельцева, 2019).

На основе представлений о типологии реальностей существования человека (эмпирическая, социокультурная, экзистенциальная) Н.В. Гришина выделяет три типа контекста – ситуационный, жизненный и бытийный. При этом жизненный контекст соотносится с психологией жизненного пути и повседневности, концептами описания которых являются «социальная ситуация» и «жизненное пространство». Критические и пограничные ситуации рассматриваются как зоны, обеспечивающие переход между разными уровнями контекстов существования человека. Таким образом, контекстный подход, предполагающий разные единицы феноменологического описания, выделяет психологию ситуации, психологию повседневности и психологию бытия человека (Знаков, 2016; Гришина, 2018).

Методологические подходы экзистенциальной психологии (о бытии в мире и жизнетворчестве), теория С.А. Рубинштейна об уровне организации бытия человека, о сущности личности как авторе и творце собственной жизни и миропрокта, положение о различных уровнях контекстов и феноменологических описаний Н.В.Гришиной., положение о двух уровнях детерминации, предложенное Т.Д. Марцинковской и др., – все это объединяет понимание психологической феноменологии повседневности как сферы реализации различных уровней человеческого существования. Уровень индивида, уровень индивидуальности, уровень личности в психологии повседневности пересекаются и накладываются друг на друга таким образом, что не всегда представляется возможным четко дифференцировать одну сферу от другой, их взаимопереходы и взаимовлияния. Возвращаясь к проблеме индивидуального стиля жизни, субъективной составляющей хронотопа повседневности, следует отметить, что процесс индивидуализации затрагивает в разной степени все уровни существования человека (поскольку нулевого уровня индивидуализации не существует) – от индивида до личности. Таким образом, в психологии повседневности пересекаются индивидуальные и личностные, экзистенциальные сферы бытия. Поэтому повседневность играет важную роль не только в индивидуализации быта, но и в переходе его в бытие, являясь при этом одновременно и синергетической поддержкой при индивидуализации бытия, и выражением экзистенции (Марцинковская, 2019, 2021а).

Концепт «spots of time»: история возникновения и интерпретация

Эстетическая парадигма как система междисциплинарных теоретических подходов, предполагающих синтез науки и искусства, переносит психологию повседневности в пространство исследования проблем «человек и культура». Объединяя методологию трансдисциплинарного анализа с феноменологией повседневности, эстетическая парадигма предполагает использование исследовательских ракурсов искусства и искусствознания в процессе изучения проблематики повседневной жизни человека, а также обращается к искусству и культуре в проблемном поле психологии (Марцинковская, 2016; Гусельцева, 2018; Хорошилов, 2018; Полева, 2018).

Ориентация на эстетическую парадигму связана с включением таких теоретических конструктов, как «психологический хронотоп», «внутренняя форма хронотопа», «хронотоп повседневности» в исследовании проблем психологии транзитивности и психологии повседневности. По мнению Т.Д. Марцинковской, одним из ведущих вызовов современности является проблема сохранения эмоциональной стабильности, психологического комфорта и, одновременно, проблема развития и самореализации, которые составляют единый континуум. Поэтому одним из направлений трансформации методологии исследования транзитивности жизненного пространства меняющейся личности выступает трансформация первоначального конструкта «психологический хронотоп». В этом контексте новая методология предполагает интерпретацию внутренней формы хронотопа как «spots of time». В публикациях и докладах Т.Д. Марцинковской подчеркивается связь идеи внутренней формы хронотопа, вызывающей переживания, с концептом «spots of time» в поэзии (Марцинковская, 2017, 2019).

Художественно–философский концепт «spots of time» был разработан английским поэтом Уильямом Вордсвортом [William Wordsworth (1770–1850)], одним из родоначальников романтического направления в английской литературе. Можно встретить несколько вариантов перевода «spots of time» («места времени», «места во времени», «точки времени», «пятна времени»), из которых ни один не является удачным.

Исследование генезиса концепта «spots of time» объединяет проблемные поля исследований истории искусства и психологии и относится к периоду зарождения романтического стиля в английской литературе, связанного с творчеством Уильяма Вордсворта и Сэмюэла Тейлора Колриджа [Coleridge Samuel Taylor]. Творческой реализацией концепта Вордсворта «spots of time» считается его поэма

«Прелюдия, или Становление сознания поэта», написанная в жанре автобиографии (Wordsworth, 1979). Значимость этого произведения и для искусствоведов, и для психологов обусловлена тем, что основу автобиографии Вордсворта составляет не последовательность важных событий жизни, предписанных моделью культурного жизненного сценария, а череда ярких эмоциональных переживаний-потрясений и творческих озарений как этапов духовного развития личности поэта. Исследователи творчества Вордсворта считают главным эпическим героем поэмы сознание поэта, которое проходит через череду озарений, связанных с переживанием различных «spots of time» как этапов последовательного развития творческого сознания от детских впечатлений до творческой зрелости. Источниками «spots of time» для Вордсворта были как повседневная жизнь поэта, его личные переживания, так и исторические события (Халтрин-Халтурина, 2007, 2009).

По мнению литературоведов, истоки английского романтизма связаны с публикацией поэтического сборника Вордсворта и Колриджа «Лирические баллады» (1798) (Вордсворт, Колридж, 2011). «Предисловие» к сборнику стало манифестом нового стиля, где впервые появляется идея о роли повседневности как источника переживаний «spots of time». Авторы заявляли целью сборника показать сближение, конвергенцию фантастического и обыденного. Задачей Колриджа было представить с помощью искусства и поэтического языка чудесное, необычное, фантастическое как правдоподобное и реальное. Вордсворт, наоборот, отталкиваясь от будничного, скучного и обыденного, желал показать их значимость, яркость и уникальность для личности, т.е. увидеть необычное в повседневном. Именно эта идея затем разворачивается Вордсвортом в «Прелюдии» в его художественном концепте «spots of time» – как событиях озарений и значимых эмоциональных переживаний, возникающих в повседневной жизни каждого человека (ср. «остранение» Шкловского).

В оптике эстетической парадигмы обращение к конструкту «психологический хронотоп» и исследованию проблемы гетерохронности хронотопов, показывает, что возникновение вордсвортского стиля служит практически хрестоматийным образцом, подтверждающим положение о взаимосвязи проблем «культура – субкультура» с проблемами социализации и идентичности личности, в том числе и личности творца. Интересно, что творческий союз Колриджа и Вордсворда строился первоначально на основе общности переживаемого каждым из авторов личностного кри-

зиса, связанного с крушением юношеских идеалов, разочарованиями во Французской революции и утратой веры в возможности изменения действительности. Переход социального кризиса рубежа XVIII–XIX вв. в личностные кризисы поэтов находит свое разрешение в творчестве. Выход в свет «Лирических баллад» и создание «Прелюдии» знаменует возникновение новых художественных форм и нового стиля в искусстве (Марцинковская, 2017, 2016; Халтрин-Халтурина, 2007, 2011).

Для литературы и поэзии Европы, и в частности Англии, рубежа XVIII–XIX вв. появление нового авторского стиля Вордсворта и жанра «биографии души» было андеграундом и альтернативой мейнстриму классицизма. Сущность индивидуального вордсвортского стиля составляло сближение поэтического и разговорного языка и построение автобиографии на основе фиксации личных эмоциональных озарений и переживаний «мест времени». Поэзия Вордсворта – результат творческого воображения, переживаний-озарений, возникающих из обыденности повседневной жизни человека. Традиционно по прошествии времени вордсвортский стиль становится одним из ведущих стилей эпохи английского романтизма. Следование творческой традиции и художественному методу Вордсворта ведет к образованию целой цепочки квазисинонимов, которые близки по значению «spots of time», но не являются взаимозаменяемыми во всех контекстах – “яркие вспышки” (С.Т. Колридж), “тихие островки” (П.Б. Шелли), “утонченная реальность” (Дж. Китс), “трансы” (А. Теннисон), “минуты озарения” (Т. Харди), “мгновения пробуждения” (У. Стивенс), “вспышки спичек во тьме” (В. Вулф), теория литературных озарений – «эпифаний» (Д. Джойса) и т.д. (Халтрин-Халтурина, 2007, с. 60).

В проблемном поле психологии «spots of time» значимы не только для понимания конструкторов «психологический хронотоп» и «внутренняя форма хронотопа». Можно предположить, что феномен flashbulb memories (флэш-память, воспоминания-вспышки, мнемическая фотовспышка, феномен «фотографических воспоминаний») в исследованиях автобиографической памяти также является квазисинонимом концепта «spots of time». Открытие феномена флэш-памяти, как и введение самого термина в психологию в 1997 г., принадлежит Роджеру Брауну и Джеймсу Кулику (Brown, Kulik, 1977). Согласно теории Брауна и Кулика в основе открытого ими феномена лежит особый механизм (print now), который отличается от известных механизмов памяти и позволяет мгновенно

фиксировать событие или образ, когда его мнемический след практически идентичен воспринимаемому реальному образу. Яркость, четкость и детализация такого образа памяти, включающего даже запахи, детерминированы, по мысли исследователей, переживаниями и эмоциональной нагруженностью запоминаемого события: «Это детальные воспоминания обстоятельств, в которых человек впервые узнал о крайне эмоционально волнующем событии. Качества таких воспоминаний фактически совпадают с воспринятыми образами. Они, подобно фотографическим снимкам, сохраняют все подробности пережитой сцены» (Brown, Kulik, 1977, p.74).

Двенадцатикнижная «Прелюдия» Вордсворта содержит более тридцати эпизодов с описанием «мест времени», составляющих композиционное ядро поэмы. Начиная с черновиков 1798 г., Вордсворт называет свои озарения «spots of time» («местами времени») и дает описание их характерных особенностей:

There are in our existence spots of time,
 That with distinct pre-eminence retain
 A renovating virtue, whence, depressed
 By false opinion and contentious thought,
 Or aught of heavier or more deadly weight,
 In trivial occupations, and the round
 Of ordinary intercourse, our minds
 Are nourished and invisibly repaired;
 A virtue, by which pleasure is enhanced,
 That penetrates, enables us to mount,
 When high, more high, and lifts us up when fallen.
 This efficacious spirit chiefly lurks
 Among those passages of life that give
 Profoundest knowledge to what point, and how,
 The mind is lord and master – outward sense
 The obedient servant of her will. Such moments
 Are scattered everywhere, taking their date
 From our first childhood. (“The Prelude” 1850, XII: 208–225)

На жизненном пути встречаются Места во времени, / Где бьёт, не иссякая, родник чистейший / Сил жизненных. Туда, устав / От чванства и лукавства / Иль от чего куда потяжелее, / Из мира пустоты и круговерти / Мы обращаемся и черпаем / Целебную подпитку. / Родник, весельем брызжущий, / Проборист. Он дарует силы / Вершины штурмовать, упавшему же – на ноги подняться. / Мы попадаем в эти духовные оазисы тогда, / Когда до нас доходит / Пониманье:

насколько / Мышлению подвластно всё, / что видим мы вокруг. Такие минуты / приходят откуда ни возьмись, встречаясь / Ужé в самом раннем детстве (Халтрин-Халтурина, 2007, с. 56).

Стилевые особенности английского романтического канона создают особую оптику исследований проблем психологии повседневности в русле эстетической парадигмы. Во-первых, это трансформация языка поэзии – от чопорности, высокопарности и искусственности – к сближению с обычным разговорным языком повседневной жизни. Во-вторых, это культ индивидуальности, смещение внимания искусства на внутренний мир человека, личности, ее эмоций и переживаний как внутреннего источника творческого вдохновения, а также ценности спонтанности, естественности, аутентичности выражения чувств. Отсюда интерес романтизма к повседневной жизни человека и стремление показать ее значимость и ценность средствами искусства. В-третьих, это сам концепт Вордсворта «spots of time» и его интерпретации в разных контекстах.

В контексте литературоведения и психологии творчества «spots of time» – это художественный метод, постоянный организующий принцип, реализуемый в творчестве поэта (художника) и как инвариант воспроизводит личность творца в каждом его произведении, придавая ему индивидуальные черты. Художественное произведение тем самым несет в себе как бы «отпечаток» его личности, по которому зритель, слушатель способен безошибочно узнать автора. Лингвист и литературовед Р.О. Якобсон определял эти элементы таким образом: «В многообразной символической поэтической структуре произведения мы обнаруживаем постоянные, организующие, цементирующие элементы, являющиеся носителями единства в многочисленных произведениях поэта, элементы, накладывающие на эти произведения печать поэтической личности. В пеструю вязь поэтических мотивов, зачастую не сходных и не соотносящихся друг с другом, эти элементы вносят целостность индивидуальной мифологии поэта. Именно они делают стихи Пушкина пушкинскими, ... а стихи Бодлера – бодлеровскими». (Якобсон, 1997).

Главной творческой силой Вордсворт считал воображение. Это не божественное вдохновение, которое спускается с небес к творцу и является внешней силой, побуждающей его к творчеству, как считали его предшественники. Воображение у Вордсворта – это внутреннее состояние человека, творческая способность сознания, она актуализируется в моменты интенсивных переживаний «spots of time», являющихся «озарениями».

В отличие от фантазии, воображение по Вордсворту не позволяет человеку потерять связь с реальностью и погрузиться в мир иллюзий. Скорее это переход на бытийный, экзистенциальный уровень, открывающий новые стороны окружающего мира, скрытые от обычного восприятия обывателя.

Последовательность переживания «spots of time» фиксирует этапы творческого/личностного развития. Вордсворт предполагал, что переживания «spots of time» могут обладать разной степенью интенсивности, что зависит от этапа или уровня развития личности. В предисловии к сборнику «Лирические баллады» Вордсворт включает важное уточнение: «Истинная поэзия представляет собой стихийное излияние сильных чувств поэта; она возникает из ярких переживаний, припоминаемых в состоянии покоя...» (Цит. по Халтрин-Халтурина, 2007, с. 56), подчеркивая значимость когнитивной составляющей, осознания и рефлексии в переживаниях «spots of time».

«Spots of time» и процесс хронотопирования повседневности

Эвристичность концепта Вордсворта для психологии заключается в том, что «spots of time» являются интеграцией трех субъективно значимых для личности составляющих – пространства, времени и переживания. Исходя из этого, под внутренней формой психологического хронотопа понимаются «места времени» конкретного человека – его прошлого, детства и юности – как моменты интенсивных эмоциональных переживаний, опыта эмоциональных озарений, которые открывают возможность перехода человека на бытийный, экзистенциальный уровень.

Основными функциями внутренней формы психологического хронотопа, понимаемой как «spots of time», являются энергетическая, организационная (структурирующая) и смысловая функции, чья совокупность обеспечивает процесс хронотопирования. «Места времени» нагружены эмоциями, и именно эта энергия эмоций становится источником жизненных сил, воображения и творчества. Организационная функция «spots of time» проявляется в структурировании психологического хронотопа: именно он определяет контур границ индивидуальной картины мира человека, системы его ценностей и смыслов, фиксирует этапы личностного развития, когда «места времени» становятся точками бифуркации, определяющими направления будущего развития. В таком контексте можно говорить о процессе хронотопирования как о процессе конструирования

индивидуального психологического хронотопа, когда «spots of time» образуют каркас всей конструкции, определяя целостность ее структуры. В такой же степени это относится и к процессу хронотопированию повседневности.

Понимание переживаний как механизма интернализации/интериоризации указывает на смысловую функцию «spots of time» как обретения новых смыслов и значений, открывающихся человеку только в моменты эмоциональных озарений, но остающихся латентными в повседневной жизни. Смысловая функция проявляется также в верификации уже сложившейся системы ценностей и смыслов. Физическое возвращение в «spots of time» связано не только с возможностью повторного переживания. Иногда возвращение в это пространство прошлого становится триггером изменений уже сложившейся системы имеющихся «spots of time», которое предполагает возникновение новых интерпретаций, насыщение его новыми образами и смыслами.

Обеспечивая связь настоящего и прошлого, «места времени» способствуют сохранению целостности идентичности. Отсюда значимым свойством «spots of time» является возможность человека с помощью памяти вернуться туда в своем воображении и повторно пережить эти моменты. Кроме такого «виртуального» способа перемещения в «spots of time», у человека есть возможность физического возвращения в определенное пространство, являющееся для него «своим», «личностным пространством» и маркировано переживаниями. Так, например, анализируя различные аспекты городской повседневности, Т.Д. Марцинковская выделяет большой объективный хронотоп города и его малые хронотопы. Именно малый психологический хронотоп города, связанный с субъективно значимыми для человека «spots of time» данного города, можно рассматривать как индивидуальную внутреннюю форму городского хронотопа. Важным аспектом понимания внутренней формы хронотопа, в том числе и городского, является ее обращенность во внутриличностии соотношенность с ее самостью, в отличие от городской идентичности, предполагающей ориентацию вовне – отождествление с определенными местами города, достопримечательностями или людьми (Марцинковская, 2021b).

Важным аспектом «мест времени», особенно связанным с негативными переживаниями, предстает возможность реализации их энергии и интенции на решение личностных проблем различной этиологии, преодоление дихотомии «стабильность – развитие» и

достижение гармонии (Марцинковская, 2021a). Возможным механизмом таких личностных изменений и трансформаций, триггером которых выступают «spots of time», может быть феномен посттравматического роста (Post-traumatic growth). В психологический тезаурус термин посттравматический рост был введен в 1995 году Р. Тедески и Л. Кэлхоуном [Tedeschi, Calhoun]. Разработанный учеными опросник посттравматического роста, помимо общего показателя, включает пять субшкал, определяющих области возможных посттравматических изменений таких, как повышение ценности жизни и изменения ее приоритетов, близкие доверительные отношения с другими людьми, ощущение внутренней силы, расширение окна возможностей, осознаваемых человеком, изменения духовного плана (Calhoun, Tedeschi, 1996, 2004; Леонтьев, 2016). Можно предположить, что переживания прекарности, ведущие к трансформации личностного пространства в пространство развития и ответственности, также могут быть связаны с феноменом посттравматического роста.

Заключение

Результаты теоретического анализа дифференциации понятий «образ жизни» и «стиль жизни» показывают, что именно конструирование стиля жизни, индивидуального хронотопа повседневности является и орудием, и пространством-временем самоконструирования, самотворчества и самореализации личности. При этом главный смысловой акцент смещается с результата (жизнь как произведение) на процессуальность – жизнь как творчество.

Хронотоп повседневности соединяет в себе относительную стабильность типического (образ жизни) и трансформацию, изменчивость и развитие, присущие индивидуализации (стиль жизни).

Различные аспекты транзитивности (множественность, изменчивость, неопределенность) как характеристики современной повседневности по-разному соотносятся с объективными и субъективными составляющими хронотопа повседневности. Так множественность и вариативность присущи как образу, так и стилю жизни. Внешняя детерминация и предопределенность образа жизни как объективной составляющей задает общие пространственно-временные границы как инвариант, в рамках которого реализуется вариативность образов повседневной жизни больших и малых социальных групп (страна, город, малый город, возраст, социальный статус, профессиональная и этническая принадлежность). Нарастающая сложность и гетерогенность общества отражается на

множественности укладов и образов жизни, что позволяет говорить о стратификации и дифференциации хронотопов повседневности.

В большей мере под множественностью и индивидуальной вариативностью следует понимать свойство стиля жизни как субъективное составляющее хронотопа повседневности. Индивидуализация и конструирование стиля жизни относится к сфере самодетерминации, индивидуальных выборов и личностной ответственности.

Одно из направлений трансформации методологии исследования транзитивности жизненного пространства меняющейся личности предполагает трансформацию первоначального конструкта «психологический хронотоп» и интерпретацию понятия «внутренней формы хронотопа» как «spots of time». В оптике эстетической парадигмы исследование генезиса концепта Вордсворта «spots of time» объединяет проблемные поля исследований истории искусства и психологии.

Наиболее значимыми аспектами операционализации концепта «spots of time» можно считать следующие положения:

- источником «spots of time» является повседневность;
- «spots of time» – точки бифуркации, определяющие этапы личностного (творческого) развития;
- «spots of time» как источники негативных переживаний могут выступать триггерами личностных изменений и трансформаций, а их возможным механизмом – феноменом посттравматического роста;
- «spots of time» способствуют сохранению целостности личности, обеспечивая связь настоящего и прошлого;
- основные функции «spots of time» – энергетическая, организационная и смысловая, реализация которых обеспечивает процесс хронотопирования повседневности.

Эвристичность концепта Вордсворта для психологии заключается в том, что «spots of time» представляют собой интеграцию трех субъективно значимых для личности составляющих – пространства, времени и переживания, а также пересечение индивидуальных, личностных, экзистенциальных сфер бытия человека и возможность перехода между ними.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00075 «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности».

Литература

Асмолов, А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Академия, 2007.

Вальденфельс, Б. [Waldenfels, B.] Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.

Вордсворт, У., Колридж, С.Т. [Wordsworth, W., Coleridge S.T.] Лирические баллады и другие стихотворения. М.: Издательский центр РГГУ, 2011.

Гришина, Н.В. Поведение в повседневности: жизненный стиль, повседневная креативность и «жизнетворчество» // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2017v10n56/1505-grishina56.html> (дата обращения: 18.12.2020).

Гришина, Н.В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 10–20. doi:10.17759/sps.2018090302.

Гусельцева, М.С. Образ жизни как точка опоры в системе отношений человека с миром // Мир психологии. 2019. № 1. С. 110–122.

Гусельцева, М.С. Эстетическая парадигма и трансформации повседневности: методологические аспекты // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2018v11n60/1598-guseltseva60.html> (дата обращения: 18.12.2021).

Знаков, В.В. Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002.

Леонтьев, Д.А. «На острие НОЖа: Нездоровый Образ Жизни и жизненные ориентиры личности» Лекция. Московский институт психоанализа 16.11.2020 <https://www.youtube.com/watch?v=b090XFE39RA> (дата обращения: 18.12.2020).

Леонтьев, Д.А. Удары судьбы как стимул личностного развития: феномен посттравматического роста // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 144–158.

Марцинковская, Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Марцинковская, Т.Д. Человек в повседневности: индивид, индивидуальность, личность? // Психология личности. Пребывание в изменении: коллективная монография / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. С. 304–330.

Марцинковская, Т.Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html> (дата обращения: 18.12.2020).

Марцинковская, Т.Д. Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021а. № 2. С. 31–45. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_02 .

Марцинковская, Т.Д. Хронотоп города в контексте психологии повседневности // Новые психологические исследования. 2021б. № 3. С. 5–17. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_03_05.

Полева, Н.С. Эстетическая парадигма как оптика исследований современной психологии // Психологические исследования. 2018. Т.11. № 60. С. 6. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1599-poleva60.html> (дата обращения: 18.12.2020).

Серто, М. де [Certeau M. de]. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Халтрин-Халтурина, Е.В. Поэтика «озарений» в литературе английского романтизма: романтические суждения о воображении и художественная практика. М.: Наука, 2009.

Халтрин-Халтурина, Е.В. Ключ к поэме У. Вордсворта «Прелюдия, или становление сознания поэта». Известия РАН. Серия Литературы и языка. 2007. Том 66. № 2. С. 54–62.

Халтрин-Халтурина, Е.В. Уильям Вордсворт: современник Джонсона, Байрона, Кэрролла // Иностранная литература. 2011. № 3. С. 80–85.

Хорошилов, Д.А. Искусство и социальная психология: от экспериментальной эстетики к эстетической парадигме // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 59. С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1579-khoroshilov59.html> (дата обращения: 16.12.2020)

Якобсон, Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Баршт К.А. Русское литературоведение XX века. В 2-х ч. Ч. 2. СПб.: изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. С. 291–339.

Brown, R., Kulik, J. «Flashbulb memories». Cognition. 1977. Vol. 5. No. 1. P. 73–99.

Calhoun, L.G., Tedeschi, R.G. Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15. P. 1–18.

Calhoun, L.G., Tedeschi, R.G. The posttraumatic growth inventory:

measuring the positive legacy of trauma // *Journal of Traumatic Stress*. 1996. Vol. 9. P. 455–471.

Wordsworth, W. *The Prelude, Authoritative Texts*. London: A Norton Critical Edition, 1979.

Сведения об авторе

Наталья С. Полева, кандидат психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; npoleva@mail.ru

Poleva N.S.

Chronotope of everyday life

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia

The difference between the concepts of “way of life” and “lifestyle” is discussed. It is shown that the “way of life” is related to the objective space – the time of everyday life, and the “lifestyle” – to the subjective, personal space-time. The predestination of the “way of life” as an objective component of the chronotope of everyday life is associated with external determination and does not depend on the person. The subjective component as a style of everyday life is characterized as a sphere of individual choices and individual responsibility, self-determination and free construction of the individual’s life path. It is argued that the chronotope of everyday life combines the stability of the typical (way of life) and the transformation, variability and development inherent in individualization (lifestyle). It is argued that the complex dialectic of stability / variability correlates with the dialectic of tradition / innovation in modern transitive everyday life, when everyday life as a sphere of routine and typical becomes “a place for the formation of meaning, the discovery of rules”. The carried out theoretical analysis shows that the construction of a lifestyle as an individual chronotope of everyday life is both a tool and a space-time of self-construction and self-realization of an individual. In the optics of the aesthetic paradigm, the genesis of the concept of “spots of time” is considered, its connection with the stylistic features of the English romantic canon, including the cult of individuality, the shift in the attention of art to the inner world of the individual and their experiences, the interest of romanticism in the everyday life of a person, the desire to show its significance and value to the individual by means of art. Everyday life is considered as a source of individual experiences “spots of time”. The main functions of “spots of time” are highlighted as an internal form of a psychological chronotope. An understanding of the process of chronotopizing everyday life is given, when “places of time” become points of bifurcation of personality development, determining the directions of future development or verification of an already

established system of values. The heuristicity of the “spots of time” concept for psychology is associated with the integration of space, time and experience.

Key words: psychological chronotope, chronotope of everyday life, way of life, lifestyle, aesthetic paradigm, spots of time, internal form of chronotope

For citation: Poleva, N.S. (2021). Chronotope of everyday life. *New Psychological Research*, No. 4, 4–24. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_04_01

Acknowledgment

The study was supported by the Russian Foundation of Basic Research, project 20-013-00075 «Person in everyday life: psychological phenomenology and determinates».

References

Asmolov, A.G. (2007). *Personality psychology: cultural and historical understanding of human development*. Moscow: Akademiya.

Brown, R., Kulik, J. (1977). «Flashbulb memories». *Cognition*, 5(1), 73–99.

Calhoun, L.G., Tedeschi, R.G. (1996). The posttraumatic growth inventory: measuring the positive legacy of trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 9, 455–471.

Calhoun, L.G., Tedeschi, R.G. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 15, 1–18.

Certeau, M. (2013). *The invention of everyday life. 1. The art of making*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Grishina, N.V. (2017). Behavior in everyday life: lifestyle, everyday creativity and “life creation”. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 10(56), 2. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1505-grishina56.html>

Grishina, N.V. (2018). The problem of conceptualizing context in modern psychology. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 9(3), 10–20. DOI:10.17759/sps.2018090302.

Guseltseva, M.S. (2018). Aesthetic paradigm and transformations of everyday life: methodological aspects. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 11(60), 4. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1598-guseltseva60.html>

Guseltseva, M.S. (2019). Mode of life as a fulcrum in the system of human relations with the world. *Mir psikhologii*, 1, 110–122.

Jacobson, R.O. (1997). Statue in the poetic mythology of Pushkin. In *Barst K.A. Russian literary criticism of the twentieth century* (Part 2, pp. 291–339). St. Petersburg: izd. RGPU im. A.I. Gertsena.

Khaltrin-Khalturina, E.V. (2007). The key to the poem by W. Wordsworth “Prelude, or the formation of the poet’s consciousness”. *Izvestiya RAN. Seriya Literatury i yazyka*, 66(2), 54–62.

Khaltrin-Khalturina, E.V. (2009). *Poetics of "insights" in the literature of English romanticism: romantic judgments about imagination and artistic practice*. Moscow: Nauka.

Khaltrin-Khalturina, E.V. (2011). William Wordsworth: Contemporary of Johnson, Byron, Carroll. *Inostrannaya literatura*, 3, 80–85.

Khoroshilov, D.A. (2018). Art and social psychology: from experimental aesthetics to an aesthetic paradigm. *Psikbologicheskie issledovaniya*, 11(59), 4. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1579-khoroshilov59.html>

Leleko, V.D. (2002). *The space of everyday life in European culture*. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskii gos. un-t kul'tury i iskusstv.

Leontiev, D.A. (2016). The blows of fate as a stimulus for personal development: the phenomenon of post-traumatic growth. In *Human vitality: individual, professional and social aspects* (pp.144–158). Moscow: Institut psikhologii RAN.

Leontiev, D.A. (2020, November 16). On the edge of the KNIFE: Unhealthy Lifestyle and Life Landmarks of the Personality. Moskovskii institut psikhoanaliza. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=b090XFE39RA>.

Martsinkovskaya, T.D. (2017). Internal form of psychological hronotope: approaches to the problem. *Psikbologicheskie Issledovaniya*, 10(54), 1. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/eng/2017v10n54e/1460-martsinkovskaya54e.html>

Martsinkovskaya, T.D. (2016). *Culture and subculture in the space of the psychological chronotope*. Moscow: Smysl.

Martsinkovskaya, T.D. (2019). Man in everyday life: individual, individuality, personality. In N.V. Grishina (Ed.), *Personality Psychology: Being in Change* (pp. 304–330). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

Martsinkovskaya, T.D. (2021a). A new methodology for studying the transitivity of the living space of a changing personality. *Novye psikbologicheskie issledovaniya*, 2, 31–45. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_02.

Martsinkovskaya, T.D. (2021b). Chronotope of the city in the context of the psychology of everyday life. *Novye psikbologicheskie issledovaniya*. 3, 5–17. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_03_05.

Poleva, N.S. (2018). Aesthetic paradigm as an optics of research in modern psychology. *Psikbologicheskie issledovaniya*, 11(60), 6. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1599-poleva60.html>

Waldenfels, B. (1991). Everyday life as a melting pot of rationality. In *Socio-Logos* (Vol. 1. pp. 39–50). Moscow: Progress.

Wordsworth, W. *The Prelude, Authoritative Texts*. London: A Norton Critical Edition, 1979.

Wordsworth, W., Coleridge S.T. (2011). *Lyric ballads and other poems*. Moscow: Izdatel'skii tsentr RGGU.

Znakov, V.V. (2016). *Psychology of understanding the human world*. Moscow: Institut psikhologii RAN.

Information about the author

Natalia S. Poleva, Ph.D (Psychology), Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009, *npoleva@mail.ru*